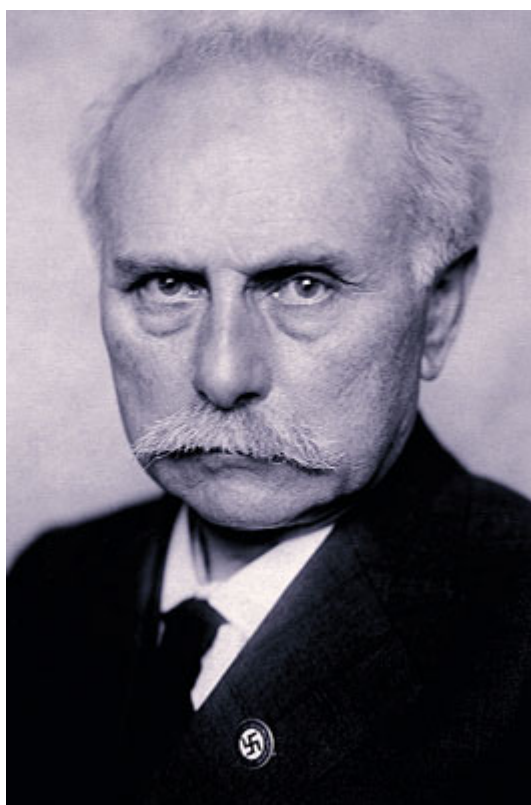

НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ И НАУКА

Д-р Иоганнес Штарк

Президент Физико-технического Имперского института

1934

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Гитлеровский дух и наука
2. Ложь о настроенности национал-социалистического правительства против науки
3. Свобода науки под еврейско-марксистским господством
4. Национальное значение естественнонаучного исследования

I. ГИТЛЕРОВСКИЙ ДУХ И НАУКА

Нижеследующая статья появилась в «Великогерманской газете» 8 мая 1924 г. Она написана знаменитым естествоиспытателем П. Ленардом в Гейдельберге. Здесь я могу соглашаться с каждым словом его выводов, и я подписываюсь под ними.

«Здесь мы лишь как естествоиспытатели хотим выразить то, как сильно мы должны были радоваться общественному признанию. Вместе с этим мы хотим изъяснить наше глубочайшее чувство того, что в Гитлере и его соратниках – как они вели и выражали себя перед и во время последнего судебного процесса, при котором целиком раскрылись их замыслы и чувства – мы узнаем тот же самый дух, что нужен в нашей работе, чтобы она была глубокой и успешной, всегда востребованной, устремленной и бросающейся в глаза; дух неусыпной ясности и честности по отношению к внешнему миру и вместе с тем к духу внутреннего однообразия, который несет в себе любая компромиссная работа, поскольку она лжива. В то же время это тот дух, который – как нам кажется – мы уже раньше узнавали и чттили в великих смельчаках прошлого, в Галилее, Кеплере, Ньютоне, Фарадее. Мы восхищаемся этим духом и преклоняемся перед ним в таких же мудрецах – Гитлере, Людендорфе, Пёхнере и их соратниках; мы узнаем в них смену нашего духовного родства.

Можно подумать, что такого рода дух мы воплотили во времена нашей жизни. Редко он был в старое время, этот культуuroобразующий дух. Это, однако, основывается на его стимулировании всего внутреннего дерзания человечества и всего успеха, делающего нашу земную жизнь ценной и прекрасной. Этот дух, как показывает опыт, может воплощаться только через арийско-германскую кровь, так как названные выше корифеи естествознания являлись носителями этой крови. Между тем, кровь также может вырождаться; римляне и греки с их культурой выродились. Можете не заниматься самообманом относительно того, что арийско-германская кровь как носитель своего собственного духа уже приходит в негодность; чужерасовый дух стремится к этому уже 2000 лет. Это совершенно та же деятельность всё с тем же азиатским народом на заднем плане, несшая Христа на крест, Джордано Бруно на костер, обстреливавшая Гитлера и Людендорфа из пулеметов и проглатывавшая каменную твердыню; борьба темного духа против носителей света, стремящаяся лишит последних жизни на земле. Согласно «закономерности», такое бывает каждый раз. Но важно не что, а как, особенно как в результате; в результате, конечно, осознание и понимание удивительного предчувствия того, что угроза исчезновения воплощенного среди нас духа света увеличивается за горизонтом и набирает силу. Мы, националисты, однако решили быстро перевернуть страницу истории, диктуемую нашим внутренним чувством, которое говорило нам: теперь грядет отныне вечно направленное против того, что с детства и навсегда оставалось для нас высшим и самым святым в человеке, что направлялось нашим жизненным трудом на германский дух честности, искореняя которую, можно также обломать ту ветвь, на которой сидит наука. И именно потому, что мы чувствовали это и всякий раз начинали чувствовать еще сильнее, мы стали «народниками», что означает: мы прилагаем теперь высочайшее усилие к тому, чтобы оборонить завещанное в нашей крови, но также должны, прежде всего, хотя бы вытащить на свет Божий из-под наслоения чужеродного духа в нас нашу духовную самость – чтобы снова обрести самих себя. Мы нуждаемся в ясном духе не только как естествоиспытатели; нет, только не отрывайте человека от его достижений (весьма искусное семитское мошенничество!), мы вообще хотим иметь ясного, совершенного человека, как раз такого, каков Гитлер. Он и его соратники по борьбе, они сияют нам, как Божьи дары из глубокой старины, когда расы были чище, люди значительнее, а дух обманут менее. Мы чувствуем это, и дары не должны быть у нас отобраны. Эта единственная мысль должна выражать уже достаточную твердость, с которой националисты стоят плечом к плечу во имя их великой цели:

с Гитлером в качестве «барабанщика» основать новую Германию, в которой германский дух будет не только опять в некоторой степени терпим и выпущен из темницы, нет, в которой он защищен, выхолен, ухожен и тогда может далее и окончательно развиваться для восстановления жизни на нашей, покоренной сегодня неполноценным духом, планете. Университеты и их ученики более всего отказались от тех областей, которые давно должны были «барабанить»; всё же намного лучше то, что это делает «человек из народа». Он здесь; он проявил себя как вождь честности; мы следуем за ним».

П. Ленард

Й. Штарк

Ленард и я этой публикацией вышеприведенной статьи хотели выразить то, что мы узнали в Адольфе Гитлере вождя германского народа и хранили ему нашу верность, несмотря на то, что его первая попытка освобождения германского народа провалилась, и он в то время находился в заключении. В дальнейшем мы хотели дать Гитлеру образец признания от германской науки. К сожалению, наш образец нашел очень мало последователей среди профессуры высшей школы. В большинстве они выражали отказ от национального в течение тех девяти лет, которые прошли для Гитлера с выхода той статьи до прихода к власти. Около года назад в заметке в «Народном обозревателе» я разнес этот национальный отказ профессоров. Этого указания здесь достаточно. Задача данного труда лежит в настоящем и в будущем.

II. ЛОЖЬ О НАСТРОЕННОСТИ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРОТИВ НАУКИ

Противники национал-социализма распространяют ложь о том, что национал-социалистическое правительство лишено понятия о своеобразии и ценности научных исследований; за границей евреи оголтело лгут, что национал-социалистическая Германия разрушает свою собственную культуру и науку; в самой Германии друзья и помощники еврейских научных деятелей с обеспокоенностью говорят о международном статусе науки, и компетентные персоны пытаются внушить, что престиж Германии за рубежом требует того, чтобы еврейские ученые и, разумеется, их германские сторонники были, по возможности, аккуратны и оставались на своих прежних позициях. Против этого понуждения давайте сначала установим факты, из которых оно исходит.

В Имперском законе о восстановлении профессионального чиновничества в так называемом арийском параграфе указано, что должностные лица, являющиеся носителями еврейской крови, обязаны покинуть государственную службу, если заступили на нее позднее 1914 года или состояли не на фронтовой военной службе. Это постановление продиктовано намерением предотвратить влияние чужерасовых евреев на германский народ и проникновение еврейской крови в организм германского народа. Оно необходимо национал-социалистическому правительству и, в конце концов, поддержано преобладающим большинством германского народа на выборах в Рейхстаг и народным голосованием 12 ноября. Это общепринятое постановление касается теперь также и круга еврейских ученых. Их число невелико. Но его достаточно для того, чтобы дать повод еврейскому кругу впасть в ярость против новой Германии. Еврейский теоретик относительности Эйнштейн, который в течение многих лет занимал рентабельное научное место в Прусской академии наук и должен был играть большую роль в Германии при черно-красной системе, бросал из-за границы безудержные оскорбления в сторону национал-социалистического правительства и – теоретик относительности! – из

Лондона принимал участие в постановке поджога Рейхстага и в лживой коричневой книге (Braunbuch – ?? – пер.) против Германии, несмотря на то, что позднее он пытался отмежеваться от этого. Еврейский профессор Джеймс Франк в Гёттингене, в действительности совершенно не застигнутый указанным арийским постановлением, надменно швырнул свою профессию к ногам Прусского управления. Это типичное поведение евреев Эйнштейна и Франка против национал-социалистической Германии еще раз демонстрирует убедительность того, что сами компетентные в науке евреи более не могут рассуждать спокойно и профессионально, если на кону стоят еврейские интересы. В своем более или менее сознательном убеждении об избранности еврейского народа они могут не давать прав германскому народу; притязая на все области его жизни, подобающие людям германской крови, руководствоваться собственным народным своеобразием.

То, что евреи защищаются против их исключения из руководящего влияния на германский народ и добровольный или вынужденный выход еврейской науки из профессуры выставляют перед миром как насилие национал-социалистического правительства над наукой – не удивительно. Однако то, как они «поддержали» науку этой демонстрацией, в национальном отношении весьма прискорбно. Два подобных случая можно привести здесь со всей уверенностью. Шрёдингер, профессор теоретической физики в Берлинском университете, со скандалом уехал в университет Оксфорд в Англию; этот шаг можно расценивать в общем как демонстрацию против мер правительства. Если Шрёдингер – германский австриец, то он, как носитель германской крови и прусский государственный служащий, должен был всё же не столь вызывающе выступать против германского правительства перед границей. Еще хуже случай с профессором теоретической физики в Берлинском университете М. фон Лау. В сентябре 1933 года перед большим собранием физиков и математиков он напомнил о насилии над свободой научных исследований, намекнув на инквизицию и пытку Галилея и поставив в параллель хотя и не самого Эйнштейна, но его теорию относительности. На самом деле он подразумевал не теорию относительности, которая, конечно, не может быть подвергнута насилию, а самого Эйнштейна. Если господин фон Лау – близкий друг и поборник Эйнштейна, то пусть он всё же насилие над свободой научного исследования расплывчато приписывает не национал-социалистическому правительству. Прежде всего, и к тому же в соответствии с законом, не Эйнштейн был атакован германским правительством, но сам он явился агрессором, оскорблявшим и дискредитировавшим из-за границы национал-социалистическое правительство. Если это законодательное постановление предписывает снятие евреев с должностных мест, то эту меру следует истолковывать не как нападение на свободу науки. Национал-социалистическое правительство налагает ограничение свободы научных исследований объективно; оно заинтересовано в исследовании действительности и, напротив, желает снова восстановить доныне ограничивавшуюся свободу научных исследований.

Враги национал-социализма имеют все основания унять свои вопли о настроенности национал-социалистического правительства против науки. Потому что национал-социалистическое правительство не распоряжается свободой науки, однако такое отлично происходило под еврейско-марксистским господством. Евреи и их приспешники, которые теперь подозревают или дискредитируют национал-социалистическое правительство, называли себя частью насилия над германским духом в германской науке последнего десятилетия; они были даже зачинщиками этого насилия и извлекали из него выгоду.

III. СВОБОДА НАУКИ ПОД ЕВРЕЙСКО-МАРКСИСТСКИМ ГОСПОДСТВОМ

Евреями было создано и особенно из их лагеря распространялось понятие о том, что наука интернациональна. Это упраздняет то, что сама наука, скорее даже научные исследователи, требуют особого положения в нации; их следует рассматривать не с национальной точки зрения, но оценивать их без внимания к их народной принадлежности, лишь только по результату их научной значимости. Сообразно этому мнению, еврейские науки также не должны затрагиваться в национал-социалистическом государстве и могут далее беспрепятственно осуществлять свое авторитетное влияние. В противовес этому со стороны национал-социализма должно быть ясно подчеркнуто, что в национал-социалистическом государстве обязательство науки по отношению к нации стоит превыше иных обязательств; также научный исследователь должен чувствовать себя звеном и слугой нации; он здесь не ради самого себя или науки, но для того, чтобы служить своим трудом в первую очередь – нации. Поэтому в национал-социалистическом государстве ведущие научные места могут занимать не инородно, но только национально мыслящие люди.

Но, несмотря на это принципиальное национал-социалистическое требование, понятие интернациональности науки основывается на неправде, поскольку утверждает, что вид и результат научной деятельности независим от национальной принадлежности. Никто не возьмется всерьез утверждать, что искусство интернационально. Подобным образом обстоит с наукой. В известной мере научная деятельность, являющаяся не только подражанием, но и творчеством, должна, как всякая творческая деятельность в ее виде и результате, обуславливаться духовной и характерной предрасположенностью творца, и когда отдельные соотечественники имеют совместную предрасположенность, то творческая научная деятельность народа получает отпечаток народной самобытности, так же, как его искусства и поэзия. Нет, наука не интернациональна, она так же национальна, как и искусство. Пример этому демонстрирует германское и еврейское в науке.

Наука – это познание закономерной связи фактов; в частности, задача естествознания – изучение тел и процессов вне сферы человеческого духа посредством наблюдения и, насколько это возможно, посредством проведения планомерных экспериментов. Дух германцев позволяет им подвергать наблюдению вещи такими, каковы они есть, без подключения собственных представлений и желаний, и не страшась любых нагрузок, требующихся для познания природы. Такой предрасположенностью германцев обусловлена как их любовь к природе, так и их способность к изучению природы. Таким образом, понятно, что естествознание представляет собой по преимуществу творение представителей нордическо-германской крови арийских народов. Кто сравнит друг с другом лица знаменитых первооткрывателей в области естествознания в классическом труде Ленарда «Великие естествоиспытатели», тот найдет почти у каждого из них нордическо-германские черты. Талант наблюдать за фактами, не забывая при этом задвигать назад собственное «Я», представляет собой основную характерную черту естественнонаучной деятельности германцев. К этому присовокупляется их радость и удовлетворение от полученных выводов; по преимуществу германец устроен лишь так, что решается популяризовать свое познание только при некотором нажиме, и пропаганда или формальное применение этого познания представляется ему унижающим его естественнонаучную деятельность.

Совершенно иную предрасположенность имеет еврейский дух; он ориентирован, прежде всего, на собственное «Я», на собственное представление и собственный интерес, и за его эгоцентричным представлением стоит сильное желание утвердить себя и свой интерес. Сообразно этой потребности еврейский дух стремится только так прини-

мать во внимание факты, чтобы они не создавали помеху его мнению и намерению, и они сообщаются между собой в такой связи, как это целесообразно для осуществления его мнения и намерения. Поэтому еврей – прирожденный адвокат, который, не заботясь об истинности, ставит факты как попало и подтасовывает их с целью достичь желаемого для него решения. Для творческой научной деятельности еврейский дух, напротив, подходит мало; мерой вещей становится собственный помысел и стремление в большей степени, чем требующееся наблюдение и внимание к фактам. Хотя, благодаря живости своего интеллекта, еврейский дух в подражание германским образцам способен порождать достойные достижения; но он не в состоянии подняться до собственных творческих достижений, до собственных великих открытий в естествознании. В наше время в качестве опровержения этого утверждения евреи часто приводят Генриха Герца. Несомненно, Генрих Герц совершил значительное открытие электромагнитных волн; между тем он не является чистокровным евреем, поскольку его мать – немка, и его духовная предрасположенность могла проявиться с этой стороны. Итак, когда в естествознании еврей забывает германский образец и занимается научной деятельностью в соответствии со своим духовным своеобразием, он переходит к теории; для него становится главным делом не наблюдение над фактами и наглядное их подтверждение, а мнение, которое он на них основывает и формальное изображение, которое он им придает. В интересах своей теории он замалчивает неблагоприятные для нее факты и переходит к ее пропаганде. Он оставляет в ней только важное для себя и вместо скептицизма требует веры в нее, как в догму. Догматическое рвение и пропагандистский порыв ведет еврейского ученого к тому, чтобы его результаты излагались не только в естественнонаучных журналах, но также в дневной прессе и на тематических съездах; аналогичную основу имеет явление, когда на естественнонаучных конференциях, собраниях германских естествоиспытателей и врачей, сильно вылезали вперед еврейские участники.

Эти нерадостные проявления еврейского духа в науке были сносны, но за прошедшее десятилетие еврейское воздействие на германскую науку через нетерпимость и экономику, организованную по принципу концерна, стало роковым. Чтобы выставлять напоказ свои теории, ученые с еврейским духом привлекали только такие молодые кадры, которые, по их мнению, научно функциональны, или по несколько собирались в форму научного концерна с договоренностью о взаимном одобрении и поддержке; так, в математике долгое время существовал управляемый Клейном и Гилбертом концерн гёттингенских математиков; в физике – концерн теоретиков, где центральное место занимали Эйнштейн и Зоммерфельд; в физической химии – концерн Габера. Эти концерны ученые еврейского духа реализовывали в последнее десятилетие для своих научных областей, которые могли подняться вплоть до духовного террора. Только тот, кто лично получил согласие научного концерна к своей работе, тот заручался перспективой, при которой научной деятельностью подтверждал принадлежность к концерну и рекомендовался по специальности. Кто из начинающих совершал опрометчивость написать что-либо против теории руководителей концерна, тот получал перспективу легко лишиться профессуры, подобно тому, как это происходило и с тем, кто попал под подозрение, что настроен антисемитски. Кто уже имел профессуру, но позволял себе усомниться в признанной концерном теории, тот дома и за рубежом замалчивался или выставлялся как научно отсталый, старческий или жестокий деклассированный элемент.

Еврейские научные концерны обслуживаются с целью осуществления их господства не только для того, чтобы оказывать влияние на факультеты, но также чтобы устанавливать связь с представителями правительства черно-красной системы и с высокопоставленными деятелями, руководящими научными организациями. Особенно представитель еврейской крови, министерский директор в Прусском министерстве по делам культов, Рихтер, усердствовал в том, чтобы усилить еврейское влияние на прусские университеты и высшие школы; когда ему не из кого было выбрать германского

еврея для одной из профессур, он в ряде случаев приглашал заграничных евреев. Президент Общества по потребностям германской науки, прежний государственный министр Шмидт-Отт по желанию марксистского министра Зеверинга лишил национал-социалистического профессора Валена всякой поддержки научной деятельности; таким же образом он отказал в стипендии известному старому историку Шеманну, хотя бы потому, что встретил в его работе утверждение о расе в исторической науке, что не пришлось еврею по нраву.

Подавление или исключение отдельных сознательно германских ученых еврейским господством было неминуемым и уже само по себе довольно скверным; гораздо хуже и печальнее, однако, оказалось влияние еврейского господства на отбор научного подрастающего поколения. Еврейскими или породнившимися с евреями людьми была занята не только профессура, но также и те молодые немцы, которые, обратившись к научно-исследовательской деятельности, попали под влияние еврейского духа или стали вынуждены подчиниться еврейскому руководству, если желали преуспеть. Рука об руку с объевреиванием собственно факультетов некоторые, вплоть до 30 %, сами в связи с этим прошли процесс объевреивания германской науки; она больше не определяется германским духом, который сопровождал познание и внимание к истине; особенно математика, физика, химия и медицина получили в большей или меньшей степени признак еврейского духа, выражающийся в преобладании догматической теории, в пропагандистской журналистике и материалистическом коммерческом предприятии. Дальнейшие последствия этого оттеснения германского духа еврейским духом в германской науке были двух видов: сильное увеличение научной литературы и, с другой стороны, сильная убыль в ней собственно научной работы. И самым худшим последствием было поразительное снижение крупной творческой работы в германской науке, а также ужасающая нехватка оригинальных творческих умов среди молодых академических кадров. Последние открытия важных физических явлений были сделаны не столько в Германии, сколько в англосаксонских странах; по сравнению с этим из Германии на мировой рынок были доставлены такие из крупных догматических теорий, как теория относительности Эйнштейна, теория матрицы Гейзенберга и волновая механика Шрёдингера.

Оглядываясь на последнее десятилетие науки в Германии, в познании и внимании к фактам можно установить, что о свободе германской науки в этот период не идет речи; еврейский дух господствовал нетерпимо и вытеснял германский дух: сознательно германские исследователи, не скрывавшие своего национального образа мыслей, в это время были либо подавляемы, либо преследуемы. Поэтому, когда меры национал-социалистического правительства оттеснили и побудили покинуть Германию некоторых ученых – представителей еврейского духа, это являлось не насилием над свободой науки, как полагают смущенные круги, но видом самообороны против прежнего насилия посредством еврейского духа и, следовательно, подлинно восстановлением германского духа в германской науке. Как всегда в таких случаях, евреи могут снова кричать о преследовании там, где они не могут занимать господствующее положение; национально сознательные ученые признательны национал-социалистическому правительству за освобождение германского народа, а также за необходимое воскрешение свободы научного исследования.

IV. НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Естественные науки подразделяются на две большие группы; одна группа – физика, в широком смысле занимающаяся свойствами и процессами неодушевленных тел; вторая группа – биология, в широком смысле изучающая свойства и процессы живых тел. Частью физики, в широком смысле, является химия – учение о материальном составе неодушевленных тел, другая ее часть – астро- и геофизика – учение о свойствах небесных тел и земли. Слово «техника», в широком смысле, означает применение достижений науки для успешности искомого результата.

Предпосылками работы индустриальной техники, а вместе с ней и промышленного развития были физические исследования и познания. Народы древности и крупные азиатские народы, несмотря на продолжительность их истории, не продвигались вперед в области индустриальной техники и в последующем создании промышленности, поскольку у них отсутствовал талант к естественнонаучному исследованию. Зато им владели и продолжают владеть германские народы; поэтому, прежде всего, они развивали естественнонаучное исследование и последующее его применение в технике и промышленности. Прежде, чем сконструировать электромоторы, динамо-машины, электрические осветительные установки и районные электростанции, следовало открыть электрический ток и его выработку посредством движения проводника в магнитном поле. Прежде, чем перенести в формат радиовещания музыку и политические речи, естественной науке следовало подробно исследовать электромагнитные волны. Прежде, чем создать паровые турбины, автомобильные и самолетные моторы, следовало исследовать взаимосвязь между теплом и механической работой. Прежде, чем выпустить бензол, красители и взрывчатые вещества, следовало открыть химические элементы и их важнейшие соединения.

Исследования и открытия физики и химии и их применение в инженерии за последние пять лет без преувеличения произвели прорыв в экономической и социальной жизни арийских народов и создали современную цивилизацию; в этом развитии руководство взяли на себя германские народы, а остальные, поставляя фабрикаты, сделали их данниками. В социологическом отношении можно сожалеть о повышении и, в любом случае, большом увеличении техники при всей механизации промышленности, однако конкуренция народов на мировом рынке не позволяет отдельному народу возвращаться к примитивным формам техники и экономики. Задача германского народа состоит в том, чтобы, при сохранении своей техники и промышленности, дабы его рабочие имели работу и хлеб, германская индустрия занимала не менее солидное положение для удержания и повышения своей доли на мировом рынке. В конкуренции с народами более низкого жизненного уклада и дешевой рабочей силы это возможно, только если германский народ добивается своего посредством новых технических успехов и научно значимой квалифицированной работы. Однако он должен обеспечить то, что наиболее поспособствует его физико-техническим исследованиям. Тогда то, что ценилось в прошлом, будет цениться и в будущем; физико-технические исследования – это предпосылка для физико-индустриального прогресса. Руководствуясь пониманием этого, великий германский физик, инженер и организатор В. фон Сименс уже пятьдесят лет тому назад учредил Физико-технический Имперский институт для поддержки всей германской экономики. В своем докладе о целях этого учреждения он писал: «Естественнонаучное исследование всегда образует надежную почву для прогресса, и промышленность страны никогда не займет международного руководящего положения и не сможет содержать себя, если сама не стоит на оси естественнонаучного прогресса».

Физико-технический Имперский институт учрежден для всестороннего обслуживания физико-технических исследований, а также для самой научной деятельности; он представляет собой самое большое учреждение Империи. Когда национал-

социалистическое правительство требует организации и руководства во всех областях жизни германского народа, тогда задачей Физико-технического Имперского института становится организация общих физико-технических исследований. В соответствии с великим национальным значением физико-технических исследований, я получил ответственный пост президента Физико-технического Имперского института. После того, как в начале мая 1933 г. я был приглашен руководить Имперским институтом, я проверил, достаточны ли его сегодняшний охват и средства для выполнения его крупной организационной задачи. С большим сожалением я вынужден был констатировать, что в важных областях он отстал от развития науки и техники. Сравнение следующих цифр доказывает то, что это, в самом деле, было падение, и германский Физико-технический Имперский институт в других странах намного опережали институты медицинских сестер: сумма бюджета Имперского института в 1929 г. составляла 1,5 млн. рейхсмарок, тогда как бюджет такого же имперского института США равнялся 11,5 млн. рейхсмаркам; количество естественнонаучного оборудования в Имперском институте под конец составляло 100, в английском Институте медицинских сестер (National Physical Laboratory) – 300. При этих обстоятельствах перестройка Физико-технического Имперского института стала безотлагательно необходимой, являясь единственным национальным делом первого ранга в интересах германской науки и экономики. В области его перестройки, как и во многих областях, национал-социалистическое правительство вновь исправило глубокие упущения правительства черно-красных.

До сих пор говорилось только о национальном значении физико-технических исследований для промышленности и экономики. Между тем, они имеют еще одно большое значение для сохранения существования германского народа, для обороны страны. Чтобы не оставлять непонимания по этому поводу, следует четко подчеркнуть, что Физико-технический Имперский институт не прямо ни косвенно не выполняет военные задачи. Но для решения таковых задач соответствующие службы должны придерживаться результатов физико-технических исследований, чтобы поставлять в распоряжение мощнейшую, эффективную технику с целью защиты страны. И то, что техника может иметь решающее значение для военного руководства и вынужденной защиты германского народа от большей угрозы, показал исход Мировой войны.

Цивилизаторское и культурное развитие в прошедшие десятилетия решалось и определялось за счет применения физико-технических исследований в промышленности, экономике страны, транспорте и домашнем хозяйстве. В наше время иная большая группа естественных наук – биология – начинает приобретать большое значение для цивилизованных народов. Пожалуй, каждому понятна ценность, которую в медицине получило применение биологических исследований; и никто не желает отказываться от достижений медицинских исследований и их применения на практике. То, что сняты еще не все проблемы, не уменьшает уважения к громадным результатам медицинских исследований и практики.

Далее очень важной представляется та часть биологических исследований, которая занимается наследственными задатками в среде растений, животных и людей. Понимание законов наследственности и знание ее значения, для того, чтобы обусловленные ей результаты в применении к отдельным людям, расам и народам представляли не просто способность понимать историю теоретически, но даже имели революционно-политическое значение. На этом биологическом знании основывается известная важная часть национал-социалистических идей. Из нее национал-социалистическое руководство избирает директиву для своих национально-политических мер по улучшению расы германского народа. Его меры по исключению вредоносного еврейского влияния на германский народ имеют биологическое естественнонаучное обоснование, и это также подтверждается в той части естественных наук неспособностью еврейского духа к познанию и вниманию к фактам, и в этом отношении он оставляет ничего не стоящими

факты своеобразия рас и народов, желая навязать другим народам лишь собственное своеобразие.

Применение биологии в народном хозяйстве, где из всех экономических благ на первом месте находится разведение пригодных растений и животных, наверняка представляет для германского народа наибольшее значение. Разведение богатых белками и маслами кормовых растений, винограда, устойчивого перед филлоксерой и мучнистой росой, устойчивых перед мучнистой росой и морозостойких сортов овощей, морозостойких и плодородных зерновых растений, далее выведение коровьих и свиных пород дает германскому народному хозяйству возможность снабжать германский народ продовольствием исключительно собственного производства. Новые разработки в этом направлении для исследований селекции делал глава Института кайзера Вильгельма в Мюнхенберге профессор Эрвин Баур; его скоропостижная смерть стала очень тяжелой утратой для германского народа.

Естественнонаучные исследования и их применение представляют наибольшее значение для экономического, оздоровительного и культурного развития любого народа, прежде всего – для одаренного в области естественных наук германского народа; так это было в прошлом, и так это, скорее всего, будет в будущем. Государственное руководство, которому достается наибольшая ответственность за развитие народа, поэтому имеет основание оказывать мощнейшее и действенное попечение нуждам естественнонаучных исследований. Осознавая это, фашистское правительство Италии под предводительством Муссолини уже много лет планомерно организует итальянские естественнонаучно-технические исследования. Муссолини поставил во главе Национального совета по исследованиям лауреата Нобелевской премии по физике Джуглиемо Маркони. 2 февраля 1929 г. на торжественном заседании в римском Капитолии Муссолини был торжественно утвержден Национальный совет по исследованиям. Муссолини подчеркнул, что провести это торжество желал он лично, чтобы доказать, что фашистское правительство хочет приложить все силы к тому, чтобы по собственной воле поставить задачи науки и научно-исследовательской работы впереди остальных национальных задач. Он объяснял: «Совет по исследованиям должен располагать необходимыми финансовыми средствами, и они должны быть предоставлены в его распоряжение, чтобы он мог выполнять свои задачи; но он должен быть освобожден от бесполезных органов, от излишнего сора и от некоторых неэффективных организаций, возросших накануне учреждения Совета по исследованиям.

Научно-исследовательская деятельность должна развертываться без давления и забот о преподавании. Научные исследования должны подчиняться науке и национальным требованиям. Иными словами, они не должны служить тому, чтобы создать новую кафедру или новые учебные дисциплины.

Совет по исследованиям должен постоянно поддерживать теснейшую связь с жизнью нации, а также с промышленностью, с народным хозяйством, с коммерсантами, с государственным управлением. Отсюда вытекает необходимость расположения и тесной связи между союзами и Советом по исследованиям. Союзы (корпорации) работодателей и рабочих по найму должны чувствовать и понимать, что научные исследования при исправленном и увеличенном товаропроизводстве становятся непреложны.

Среди всех стран наиболее зажиточной будет та, которая, прежде всего, увидела эту истину; мы повсюду устанавливаем интенсивную научно-исследовательскую деятельность исключительно на благо усердия промышленности, народного хозяйства и экономики страны».

Примечательно, что основная мысль в этой последней фразе Муссолини всецело совпадает с основополагающим пониманием, которое, как уже было упомянуто, высказал в своем докладе, приуроченном к учреждению Физико-технического Имперского

института, знаменитый германский физик, инженер и промышленник Вернер фон Сименс. Вследствие значимости этих слов стоит повторить их в конце нашего сочинения:

«Естественнонаучное исследование всегда образует надежную почву для прогресса, и промышленность страны никогда не займет международного руководящего положения и не сможет содержать себя, если сама не стоит на оси естественнонаучного прогресса».

Мы должны твердо верить в то, что вождь германского народа Адольф Гитлер имеет понимание этого национального значения научных исследований и примет необходимые меры по их поддержке.

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).